

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ИИСУСА ХРИСТА В ТВОРЧЕСТВЕ А. БЛОКА:
ОТ РАННЕЙ ЛИРИКИ К ПОЭМЕ «ДВЕНАДЦАТЬ»****Елена Валерьевна ГРУДИНИНА**Религиозная организация – духовная образовательная организация
высшего образования «Тамбовская духовная семинария
Тамбовской епархии Русской православной церкви»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. М. Горького, 3
E-mail: evgrudinina@mail.ru

Аннотация. Представлен опыт анализа образа Иисуса Христа в ранней лирике и финальных главах поэмы А. Блока «Двенадцать» с точки зрения православной духовной мысли. Проведенное исследование позволяет заключить, что поэт, невзирая на специфическую творческую манеру символизма, весьма точно передает в своих ранних произведениях не только кризисное мироощущение, свойственное обществу на рубеже XIX и XX столетий, но и глубокое личное постижение сути православно-го вероучения. В результате сопоставления образа Христа в рассмотренных лирических произведениях с финальным образом в поэме «Двенадцать», получившим множество разнообразных трактовок в литературной критике, а также трудах философов и богословов, сделано заключение, что Александр Блок, обладающий тонким поэтическим слухом и духовным зрением, с поразительной точностью изобразил нравственную пустоту людей, сотворивших себе кумира из ложной идеи. Стихия разрушения, снежного вихря, породившая «нежный» образ лжехриста, на самом деле таит смертельную опасность для человеческой души.

Ключевые слова: Александр Блок; ранняя лирика; образ Христа; поэма «Двенадцать»; художественное своеобразие; образ-символ; аллегорический смысл; добро и зло

Поэма Александра Блока «Двенадцать», ставшая финальным аккордом его творчества, создавалась автором в январе 1918 г., в разгар революционной бури, в преддверии Гражданской войны. Произведение в полной мере отражает нестройную «музыку революции», которую поэт призывал всем сердцем слушать своих современников. Среди контрастных цветовых сочетаний («черный вечер», «белый снег», «красный флаг») и полифонии разнообразных голосов в финале поэмы является как будто вовсе не свойственный месту и времени, едва уловимый образ «Иисуса Христа», над загадкой которого на протяжении столетия размышляют не только литературоведы, но и философы, богословы. Главным предметом этой научной дискуссии является вопрос о правомерности соотнесения данного художественного образа с образом Христа Спасителя, Богочеловека. Для ответа на него необходимо обратиться к раннему творчеству А. Блока.

Следует отметить, что в творческом наследии русского поэта-символиста образ Иисуса Христа занимает важное место. В первом томе его «Трилогии Вочеловечения», где

доминирует любовная лирика, посвященная абстрактному идеалу воплощенной женственности – Прекрасной Даме, Христос упоминается довольно часто. Однако этот образ в большинстве случаев носит столь же отвлеченный и символический характер, что и Прекрасная Дама. Это дает основание многим исследователям утверждать, что Христос у А. Блока имеет скорее традиционно эстетическое, а не религиозное значение.

Современник поэта К.И. Чуковский высказывал противоречивое суждение о его ранних произведениях. С одной стороны, он считал, что «Его первая книга была самая религиозная книга из всех за десятки лет. В ней, особенно на ее первых страницах, чувствовалась еще сохранившаяся детская вера»: «С глубокою верою в Бога / Мне и темная церковь светла». С другой стороны, К.И. Чуковский отмечал: «Христианство А. Блока было почти без Христа. Даже в тех стихах его первого тома, где сказались его надежды на второе пришествие, внушенные ему Влад. Соловьевым и Андреем Белым, не было упоминания о Христе. Христос хоть и

присутствовал в книге, но еле угадывался в тумане» [1, с. 121].

Воспитанный в благочестивом духе традиционной дворянской семьи, Александр Блок с детства был устремлен к высоким христианским идеалам и чистоте. Поэтому вся несравненная нежность Христа, выше которой ничего не может быть, небывалым образом озаряет поэта в переживании первой любви к Любви Менделеевой [2]:

Ты была светла до странности
И улыбкой – не проста.
Я в лучах твоей туманности
Понял юного Христа [3, с. 110].

Однако такое соединение земной любви с любовью к Господу представляется, с точки зрения православного богословия, весьма опасным, поскольку вводит человека в состояние прелести, удаляет от истинного богопознания. Поэтому вполне закономерно, что дальнейшее развитие мировоззрения А. Блока связано с жестоким борением в его душе юношеских романтических идеалов и неприглядных реалий окружающего мира. Н.С. Кондаков считает, что в стихотворении «Мы все уйдем за грань могил» (1900) поэт открыто сомневается в возможности людей жить по учению Христа и следовать Его заповедям. Говоря о слабости человека, А. Блок имеет в виду склонность его природы к злу [2]:

Любить и ближних, и Христа
Для бедных смертных – труд суровый.
Любовь понятна и проста
Душе неведомо здоровой.

У нас не хватит здравых сил
К борьбе со злом, повсюду сущим,
И все уйдем за край могил
Без счастья в прошлом и в грядущем [3, с. 75].

На наш взгляд, данное стихотворение во многом наследует лермонтовскую традицию осмысления судьбы современного поэту поколения в романе «Герой нашего времени» (1838–1841) и в стихотворении «Дума» (1838):

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее – иль пусто, иль темно <...>
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад [4, с. 87].

При этом у А. Блока, в отличие от М.Ю. Лермонтова, осмысление данной проблемы перенесено из социально-политической плоскости в сферу духовно-нравственную. Поэта-символиста волнует не суд потомков, которые произнесут печальный приговор над «охладелым прахом» его поколения, а то, что его современникам «не хватает здравых сил в борьбе со злом, повсюду сущим». И причина этого духовного бессилия коренится именно в оскудении любви к Богу и людям, то есть в нарушении основополагающих заповедей Христовых.

Важно подчеркнуть, что источник зла А. Блок видит не только во внешнем мире, но и в собственной душе. Стремясь восстановить утраченную душевную гармонию, с 1902 г. поэт в своих произведениях все чаще обращается к религиозной теме, осмысливая значение Иисуса Христа в истории человечества и собственной жизни. В стихотворении «Кто плачет здесь? На мирные ступени» (март 1902), А. Блок словно возвращается к ощущению детской и чистой радости, переживая чудо Рождества Христова. Он видит в этом событии не только исполнение ветхозаветных пророчеств, но и Божественное откровение, благодать, дарованные всем людям на все времена. Ибо с приходом Христа в грешный мир каждому человеку открылся истинный Свет, надежда на милость Божию, спасение и вечную жизнь:

Здесь места нет победе жалких тлений,
Здесь всё – Любовь. В открытые врата
Входите все. Мария ждет молений,
Обновлена рождением Христа [3, с. 229].

Н.С. Кондаков справедливо отмечает, что в этом произведении А. Блок «провождает нас Великую истину о том, что Христос принимает всякого, кто захочет прийти к Нему, признать Его своим Господом и Спасителем, поклониться Ему и принести в дар свое сокрушенное сердце и душу» [2].

Однако трагедия порабощенного грехом человека в том, что, по точному определению Ф.И. Тютчева, «безверием томим и иссушен, невыносимое он днесь выносит: и сознает свою гибель он, и жаждет веры, но о ней не просит» [5, с. 290]. Трагическое раздвоение личности показано в стихотворении,

написанном А. Блоком месяц спустя, в апреле 1902 г.

Люблю высокие соборы,
 Душой смиряясь, посещать,
 Входить на сумрачные хоры,
 В толпе поющих исчезать.

Боюсь души моей двуликой
 И осторожно хороню
 Свой образ дьявольский и дикий
 В сию священную броню.

В своей молитве суеверной
 Ищу защиты у Христа...
 Но из-под маски лицемерной
 Смеются лживые уста [3, с. 234].

Многие исследователи на основании данных строк делают вывод о том, что поэт «не в силах бороться со второй половиной своей души, которая непрестанно зовет его к греховной действительности существующего мира» [2]. М.М. Дунаев связывает духовное смятение лирического героя А. Блока с общим умонастроением эпохи декаданса: «Он и ко Христу склоняется, и о дьяволе память не оставляет. Не все ли равно, кому поклоняться! – так возглашает «век» [6, с. 236]. Нельзя не согласиться: духовные проблемы эпохи отразились в творчестве А. Блока, однако, следует отметить, что приведенное выше стихотворение свидетельствует о полном осознании лирическим героем трагического раздвоения своей личности. А понимание глубины своей греховности есть первая ступень к нравственному восхождению человека.

Теме духовного прозрения и богопознания посвящено стихотворение «Вот Он – Христос – в цепях и розах...», написанное в 1905 г., в год Первой русской революции, и входящее в одноименный поэтический цикл и сборник «Нечаянная радость» (1906). Название сборника вовсе не случайно совпадает с наименованием известной чудотворной иконы Пресвятой Богородицы: художественную структуру иконографического и поэтического текста объединяет общий прием – обрамление, то есть «икона в иконе». Как отмечает искусствовед И.К. Языкова, по принципу «сюжетного включения иконы внутрь происходящего действия построена «Нечаянная радость». Здесь обычно представлен коленапоклоненный человек, мо-

лящийся перед образом Богородицы Одигитрии, давшей ему нравственное прозрение и исцеление [7, с. 98]. Духовное преображение, открытие истинного пути Христова – ведущий мотив стихотворения А. Блока.

Это лирическое произведение, в целом полностью соответствующее художественному методу символизма, содержит в себе множество аллюзий и прямых реминисценций из Священного Писания. Однако в нем, в отличие от большинства произведений эпохи модерна, автор не преследует цели творить «новую прекрасную реальность» в искусстве, оттолкнувшись от знакомых библейских образов. Стихотворение, напротив, поражает неискаженным отражением сути сотериологического учения, которое является фундаментом православного богословия.

Обратимся к лингвостилистическому анализу данного стихотворения.

Вот Он – Христос – в цепях и розах –
 За решеткой моей тюрьмы.
 Вот агнец кроткий в белых ризах
 Пришел и смотрит в окно тюрьмы.

В первом стихе образ Христа предстает перед лирическим героем в неоднозначном контексте: цепи – символ пленения, несвободы и розы – символ почитания (именно белыми розами чаще всего в праздники украшают иконы Спасителя). Во втором стихе мотив несвободы усиливается, но теперь акцент перенесен на самого лирического героя: за решеткой тюрьмы находится он сам, а «агнец кроткий в белых ризах» – символ крестной жертвы Спасителя – смотрит на него с внешней стороны окна. Само тюремное окно – граница миров: с одной стороны – душа лирического героя, а с другой – горний мир, откуда пришел Христос. И цепи, сковывающие Его, символически связаны с темницей души лирического героя, который, созерцая Спасителя, не может впустить Его в свое сердце.

В простом окладе синего неба
 Его икона смотрит в окно.
 Убогий художник создал небо.
 Но лик и синее небо – одно.

Во второй строфе стихотворения изображаемый абстрактный образ Христа кон-

кретизируется: это уже икона, перед которой стоит лирический герой. Небесно-синий фон, традиционно окружающий Лик Господа, и весь Его образ, созданный «убогим художником», призваны переносить человека в горный мир. Профессор Н.И. Ильинская отмечает, что «в системе византийско-христианской символики синий цвет передает Божественное начало, непостижимость тайны, глубину откровения. Лик Христа и небеса у А. Блока сливаются в единое целое, символизируя тайну запредельного» [8, с. 68]. Не случайно иконы называют окном в небесные обители. Таким образом, между лирическим героем и Спасителем две преграды – тюремное окно (закрытая для Бога душа) и «простой оклад» иконы, духовный смысл которой он не способен постичь.

Единый, светлый, немного грустный –
За ним восходит хлебный знак,
На пригорке лежит огород капустный,
И березки и елки бегут в овраг.

В данном четверостишии обращает на себя внимание ряд определений, относящихся к образу Христа: «Единый, Светлый, немного грустный». В них сосредоточена важная мысль о двойственной природе Спасителя – Божественной и человеческой: «Единый» – подчеркивает нераздельность Святой Троицы, второй ипостасью Которой является Бог Сын; «Светлый» – характеризует Господа как источник добра и благодати: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин. 1, 5). Третье же определение указывает на вторую – человеческую природу Христа, Его способность испытывать естественные чувства, в том числе грусть.

Рассматриваемое четверостишие, по мнению Н.И. Ильинской, демонстрирует «динамику переживаний лирического героя – от зрительного восприятия образа Христа к Его духовному постижению в окружающей природе как иконе Бога [8, с. 67]. Интересен тот факт, что пейзажную зарисовку в данном стихотворении, по его собственному признанию, А. Блок создал под влиянием известной картины М.В. Нестерова «Видение отроку Варфоломею», которая тоже построена по принципу сюжетного включения Богородичной иконы: на полотне изображается Божественное откровение, ставшее началом под-

вижнического пути преподобного Сергия Радонежского. В свою очередь, художник вспоминал об истории создания своей картины: «Как-то с террасы абрамцевского дома моим глазам неожиданно представилась такая русская-русская красота: слева лесные холмы, под ними извилистая аксаковская Воря, там де-то розовеют дали, вьется дымок, а ближе – капустные малахитовые огороды. Справа – золотистая роща» [9, с. 483]. Параллелизм живописного и поэтического пейзажей очевиден. Таким образом, привычная и простая русская природа становится своеобразным внешним окладом, обрамлением иконописного Лица Христа, живой картиной, написанной рукой Создателя.

Глубокую символику заключает в себе образ «хлебного знака», «восходящего» за Иисусом Христом. С одной стороны, это указание на «хлеб насущный», необходимый всем людям, в чем также подчеркивается человеческая природа Спасителя. С другой стороны, «хлебный знак» прочно ассоциируется в сознании христианина с целым рядом Евангельских сюжетов: с насыщением апостолов зерном в день субботний, с притчами о сеятеле, о жатве, наконец, о смерти зерна. При этом следует подчеркнуть, что в Евангельских аллегорических повествованиях злаковое семя, зерно имеет два значения. Во-первых, оно символизирует слово Божие, которому суждено или прорасти в душе человека, либо погибнуть, не затронув его сердца. Во-вторых, прорастающее зерно символизирует «хлеб животный», Тело Христово, подаваемое человеку в Таинстве Евхаристии, чтобы он имел жизнь вечную, ибо Спаситель говорит: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Ин. 6, 54).

Несмотря на прозрачность символики, принять учение Христово в сердце и следовать за ним – нелегкий нравственный выбор, который должен сделать каждый человек по собственной воле. Данная мысль является отправной точкой первых двух строк следующей строфы:

И все так близко и так далеко,
Что, стоя рядом, достичь нельзя,
И не постигнешь синего ока,
Пока не станешь сам как стезя...

В третьей строке автор применяет синекдоху, именуя Христа «синее око». Как было отмечено выше, синий цвет подчеркивает непостижимость и глубину образа, о происхождении которого интересную мысль высказывает Н.И. Ильинская: «Возможно, по аналогии с иконой Спас Ярое Око А. Блок называет свою «синее око». Однако, в отличие от Христа Вседержителя, его Иисус «трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит» (Ис. 42, 3; Мф. 12, 20). Представленные А. Блоком характеристики Русского Христа укоренены <...> в народном сознании... Они ассоциируются с крестом, кротостью, искупительными страданиями Спасителя» [8, с. 67].

Подтверждением справедливости такого суждения служит условная конструкция предложения, в которую включены 3 и 4 стихи строфы: «...не постигнешь..., пока не станешь сам как стезя». На наш взгляд, это прямая реминисценция из Евангельского текста: «Ибо он тот, о котором сказал пророк Исаия: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Мф. 3, 3; Лк. 3, 4). Призывая следовать этому завету, А. Блок указывает единственное условие, при котором будет разрушена темница человеческой души, – проложить в своем сердце стезю, по которой сможет войти в него Христос, что в православном вероучении именуется синергией.

Заключительная строфа стихотворения раскрывает смысл предшествующей строки: что значит стать стезей для Господа?

Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,
Обо всем не забудешь и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, как мертвый знак.

Эти строки адресуют читателя к Заповедям блаженства (Мф. 5, 3-12), важнейшей части Нагорной проповеди Иисуса Христа, которая совершила переворот в общественном сознании ветхозаветного мира. В соответствии с учением Спасителя Царство Божие уготовано тем, кто в земной жизни не стяжал славы, богатства и почета, но обрел смирение, познав свою духовную нищету: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5, 3) – такова первая Заповедь блаженства. В стихотворении А. Бло-

ка мы видим ее реминисценцию: «Пока таким же нищим не будешь». Девятая (последняя) Заповедь блаженства – «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф. 5, 11) – в поэтической интерпретации звучит так: «Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг». В данном случае в слове «истоптан» сосредоточен обобщенный смысл и закономерный результат упоминаемых в Евангелии действий: «поносить», «гнать», «злословить».

Самой трудной для понимания современного читателя является строка «Обо всем не забудешь и всего не разлюбишь...», поскольку, на первый взгляд, она противоречит заповеди Спасителя о любви к ближним (Мф. 22, 39; Мк. 12,31; Лк. 10, 27; Ин. 13, 34). Однако в рассматриваемом контексте речь идет, прежде всего, о пути следования за Христом, который требует от человека полного самоотвержения, вплоть до разрыва связей с миром. Заповедь о любви к Богу, безусловно, должна в сознании христианина быть выше любви к ближним и самому себе. Поэтому указанная стихотворная строка логически связана с иным Евангельским наставлением Спасителя: «Кто любит отца и мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня...» (Мф. 10, 37-38). Возникающее мнимое противоречие прекрасно разрешил святитель Иоанн Златоуст: «Из всех заповедей Его главная заповедь: возлюбиши Господа Бога твоего, и ближнего твоего яко сам себе. Итак, если любить Бога – значит любить ближнего, так как Спаситель сказал Петру: если ты любишь Меня, паси овец Моих (Ин. 21, 16), а любовь к ближнему имеет плодом своим хранение заповедей, то истинно сказано: в сию обою заповедю весь закон и пророцивися» [10]. Иными словами, истинная любовь к ближнему возможна лишь в Боге.

Не случайно стихотворение завершает образ «мертвого знака», который является аллюзией спасительного крестного подвига Христа: «...Если пшеничное зерно, пав в землю не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». Именно к такому пути призывает Спаситель своих учеников и последователей: «Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою

в мире сем сохранит ее в жизнь вечную» (Ин. 12, 25).

Таким образом, обзор ранней лирики А. Блока не оставляет сомнений в том, что поэт, невзирая на специфическую творческую манеру символизма, весьма точно передает в своих произведениях не только кризисное мироощущение, свойственное обществу на рубеже XIX и XX столетий, но и глубокое личное постижение сути православного вероучения. В связи с этим особый интерес представляет сопоставление образа Христа в рассмотренных ранее лирических произведениях с финальным образом в поэме «Двенадцать», получившим множество разнообразных трактовок в литературной критике, а также трудах философов и богословов:

...Вперед – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Вперед – Иисус Христос [11].

Религиозный философ П.А. Флоренский утверждал, что «Двенадцать» – «предел и завершение блоковского демонизма», что автор подменил «идеал мадонны» «идеалом содомским», и это выразилось, в том числе, и в искажении имени: «Исус» вместо «Иисус». То есть перед нами Антихрист, тоже духовная сущность, но со знаком «минус». С П.А. Флоренским согласен в оценке смысла финала поэмы профессор Московской духовной академии М.М. Дунаев. Он тоже обращает внимание на пародийный характер образа Христа и его «красных апостолов»: крест подменяется «кровавым флагом», а сами двенадцать «апостолов», несущие «винтовочки стальные», под влиянием страха и тоски стреляют в Христа [6, с. 331].

В свою очередь, советские критики и искусствоведы стремились обосновать исключительно революционный пафос поэмы и ее финала. Так, А.В. Луначарский в статье «Александр Блок» писал: «...В поэме «Двенадцать» А. Блок хотел дать точное изображение подлинно революционной силы, бесстрашно указать на ее антиинтеллигентские, на ее буйные, почти преступные, силы и вместе с тем благословить самым большим бла-

гословием, на которое он был только способен» [12].

Весьма популярной является точка зрения, согласно которой в поэме представлен некий синкретический, компилятивный образ, воплощающий духовный идеал А. Блока. Однако, на наш взгляд, будет точнее сказать, что данный образ отражает духовное бремя, заблуждение автора. Не случайно атеистически настроенная советская критика восприняла блоковского «Иисуса» как «символ ведущей их правды» и подчеркивала, что поэту удалось «увидеть первое сияние грядущей красоты в отталкивающих картинах современности» [13]. Абсурдность подобных трактовок очевидна, поскольку в них происходит опасное смешение добра и зла, света и тьмы, что противоречит истине, о которой напоминает нам Иоанн Богослов: «Бог есть свет и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин. 1, 5).

На наш взгляд, художественное своеобразие поэмы с ее полифонией, множеством попеременно звучащих голосов убеждает в том, что автор не ставил своей задачей отразить собственную точку зрения на революционные события. А. Блок занимает позицию независимого наблюдателя, свидетеля исторического процесса, а не его участника, что было свойственно многим представителям русской интеллигенции начала прошлого века, например, Б. Пастернаку. В этом убеждают нас и публицистические произведения поэта. Так, в статье «Интеллигенция и революция» (9 марта 1918 г.) А. Блок писал: «Дело художника, обязанность художника – видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит «разорванный ветром воздух». Что же задумано? Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью» [14].

Чрезвычайно важна для понимания смысла финала поэмы логическая связь глав 10 и 11. Их объединяет, прежде всего, мотив идущих красноармейцев и разыгравшейся вьюги, которая «пылит им в очи дни и ночи напролет». Патрульные, в прямом и переносном смысле, идут вдаль, не разбирая дороги, даже не видя друг друга. Физическое и духовное ослепление достигает кульминации в главе 11: «...И идут без имени святого Все

двенадцать – вдале. Ко всему готовы, ничего не жаль...» В этом контексте абсурдно звучит последняя фраза данной главы: «Вперед, вперед, рабочий народ!» Для заблудших душ не имеет значения направление движения: сбитые нравственные настройки не только не позволяют им видеть истинный путь, но и лишают способности отличать добро от зла. Именно такое опасное смешение черного и белого, греховного и праведного заключает в себе оксюморон, характеризующий духовное состояние красноармейцев: «черная злоба, святая злоба», «мировой пожар в крови... Господи, благослови!»

К двенадцати патрульным, которые представляют себя авангардом революционных масс, в полной мере применима евангельская аллегория: «Слепые вожди слепых, а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15, 14). Именно поэтому в финальной главе поэмы нарастают мотивы беспокойства, страха и агрессии. Если в главе 11 «в очи бьется красный флаг» и лишь начинается предчувствие опасности («вот проснется лютой враг»), то в главе 12 образ врага материализуется: «нищий пес голодный» – образ старого мира – превращается в оскалившегося «голодного волка», а это уже явная демоническая ассоциация. Образ красного флага возникает в этом эпизоде во второй раз, но теперь он в руках у невидимого призрака, который передвигается «беглым шагом, хорясь за все дома». Очень важным доказательством того, что красноармейцы лишены ясных представлений о добре и зле, правде и лжи, является тот факт, что незримый образ, держащий в руках красное знамя революции, пугает их, воспринимается ими как враждебный: «Эй, товарищ, будет худо, Выходи, стрелять начнем!». Однако их выстрелы не достигают цели, ибо сама эта цель ложная, мнимая. Поэтому закономерным ответом является эхо, которое «откликается в домах», и выюга, которая «долгим смехом заливается в снегах».

В последней строфе наблюдается явный повтор упомянутых ранее образов-символов. Так, «державный шаг» патрульных символизирует их принадлежность к новой власти, стремящейся создать свою державу: «...Мы наш, мы новый мир построим, – Кто был никем, тот станет всем» [15]. «Голодный пес»

позади – символ не покидающего прошлого, связь с которым не удается разорвать. «Впереди с кровавым флагом» («кровавым», а не просто красным!) движется невидимый для красноармейцев образ «Исуса Христа», в котором узнаются, во-первых, свойства пугающего призрака, мерещившегося им раньше («за выюгой невидим и от пули невредим»), а во-вторых, подчеркнуто выделяются женственные черты, резко контрастирующие с кровавым флагом: «нежная поступь», «жемчужная россыпь», «венчик из роз».

Внутренняя противоречивость, неуместность образа «Исуса Христа» была очевидна и самому А. Блоку, который в записной книжке 18 февраля 1918 г. (вскоре после написания поэмы) писал: «Что Христос идет перед ними – несомненно. Дело не в том «достойны ли они его», а страшно то, что опять Он с ними, и другого пока нет; а надо Другого – ?» (Записная книжка № 56. 18 февраля 1928 г.) [16]. 20 февраля того же года похожая запись: «Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы «недостойны» Иисуса, который идет с ними сейчас; а в том, что именно Он идет с ними, а надо, чтобы шел Другой» (Запись от 20 февраля 1918 г.) [16]. В этих незаконченных заметках есть два ключевых вопроса: что означает «опять», и кто такой «Другой»? Несомненно, «Другой» – это Антихрист, предсказанный в Священном Писании Нового Завета, который должен явиться в мир перед его концом. И революционные события начала прошлого века многими людьми воспринимались как явления, предшествующие кончине мира.

Ответом на вопрос, что означает слово «опять», может служить евангельское пророчество Спасителя: «...Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Мф. 24, 24). Данные строки прямо указывают на неоднократное явление на землю лжехристов, один из которых, несомненно, изображен в поэме несущим «кровавое знамение революции». Вместе с тем сам автор не осознает до конца истинной природы описанного им образа, о чем свидетельствует фраза «другого пока нет». Утонченные и нежные черты призрака указывают на то, что его опасность недооцени-

вают прельщенные им люди. Однако, наблюдая его метаморфозы на протяжении поэмы, мы можем констатировать прямую связь данного образа с 12 стихом 12 главы Откровения Ионанна Богослова: «Итак, веселитесь, небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море! Потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени». Подобное совпадение названия поэмы с номером главы и стиха «Апокалипсиса» вряд ли можно рассматривать как случайность. Таким образом, финал «Двенадцати» приобретает еще один аллегорический смысл: стихия разрушения, снежного вихря, породившая «нежный» образ лжехриста, на самом деле таит смертельную опасность для человеческой души. Сатана и его ангелы начали активно действовать на земле, ибо у них появилась для этого власть, но действовать они будут не прямо, а через нечестивых и духовно слабых людей, которые утратили в сердце образ святости («идут без имени святого»), и поэтому Бог допустит, чтобы через них действовал Антихрист. Характерным признаком отмены Божественного закона любви является внутреннее ощущение вседозволенности, которое испытывают лжеапостолы: «ко всему готовы, ничего не жаль».

М.М. Дунаев проводит прямую аналогию между духовным состоянием автора и представленных в поэме персонажей. Исследователь отмечает: «Характер прелестного видения, пародийность лика, являющегося в конце поэмы «Иисуса» (отметим разрушение спасительного имени) предельно убедительно доказывает состояние страха, тоски и беспричинной тревоги «удостоившихся» такого видения. Этот «Иисус Христос» появляется, как разрешение чудовищного страха, нарастание которого выражено девятикратным окриком на призрак и выстрелами, встреченными долгим смехом вьюги. Страх, тоска и тревога – существенный признак бесовидения, указываемый святоотеческой литературой...» [6, с. 332]. При этом, ссылаясь на воспоминания поэта Г. Иванова, М.М. Дунаев утверждает, что поэма «Двенадцать» стала роковым заблуждением, приведшим к гибели ее автора: «За создание «Двенадцати» А. Блок расплатился жизнью... А. Блок понял ошибку «Двенадцати» и ужаснулся ее непоправимости...»

Перед смертью он бредил об одном и том же: требовал отыскать все экземпляры поэмы и уничтожить ее» [6, с. 333].

Спустя столетие со времени написания поэмы становится ясно, в чем же заключалась непоправимая ошибка «Двенадцати». Воспитанный на богатейшей духовной культуре православия, но вовлеченный в круговорот революционных событий, А. Блок не избег искушения безбожного века, поставив под сомнение Божественную природу Спасителя. Подтверждением тому служит запись в дневнике поэта, в которой излагается замысел пьесы о Христе: «Грешный Иисус... Иисус художник. Он все получает от народа (женственная восприимчивость). «Апостол» брякнет, а Иисус разовьет. Нагорная проповедь – митинг... Иисус задумчивый и рассеянный, пропускает их разговоры сквозь уши: что надо, то в художнике застрянет» (Запись от 7 января 1918 г.) [16]. Не оправдывая роковых заблуждений поэта, следует отметить, что подобные попытки «спустить Христа на землю» были характерны для многих авторов в первые годы советской власти (С. Есенин, В. Маяковский, Д. Бедный и др.).

Непреодолимое стремление к обновлению, сопровождающее любые революционные преобразования, стало частью массового сознания в начале прошлого столетия. При этом вектор общественного движения в подобной ситуации всегда направлен в сторону, противоположную устоявшимся традициям и нормам. Прошлое, в том числе богатый духовный и культурный опыт, начинает восприниматься в негативном свете, что находит отражение в искусстве. Не удивительно, что православие, на протяжении многих столетий являвшееся духовным стержнем русской национальной культуры, подверглось яростной атаке сторонников «нового мира». Образ Христа Спасителя, как и в евангельские времена, стал тем «камнем, который отвергли строители». Однако потребность в духовной пище осталась, поэтому сердца, отвергшие Бога, стали обиталищем духов зла.

Вместе с тем многие исследователи отмечают в финале поэмы предчувствие чего-то светлого, обновляющего, что ассоциируют именно с образом «Иисуса Христа», идущего перед революционным патрулем. Однако на самом деле природа этого неуловимого

ощущения связана не с тем, что наблюдается на земле, а с небесными обителями. В процитированном выше фрагменте Откровения Иоанна Богослова подчеркивается контраст: «Веселитесь, небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море!» Несмотря на неисчислимы бедствия, которым подвергнется род людской, соблазненный диаволом, власть последнего не безгранична, ибо «немного ему остается времени». Александр Блок, обладающий тонким поэтическим слухом и духовным зрением, несмотря на собственные заблуждения, с потрясающей точностью изобразил в своей поэме апокалиптические настроения своей эпохи, нравственную пустоту людей, сотворивших себе кумира из ложной идеи.

Спустя столетие после революционных событий современный читатель имеет возможность разглядеть подлинный духовный смысл финала поэмы. Ушел в прошлое безбожный государственный строй, принесший многочисленные кровавые жертвы на алтарь революции, и Небеса, действительно, возрадовались целому сонму новомучеников и исповедников Церкви Русской. Истинное учение Христово снова свободно проповедуется в нашей стране, но предупреждение о лжехристах и лжепророках остается актуальным и в наш век, когда враг рода человеческого находит все более изощренные способы воздействия на людские души. И потому следует всегда помнить о наставлении первоверховного апостола Христова Петра: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 Пет. 5,8).

Список литературы

1. Чуковский К.И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 8. Литературная критика 1918–1921. М., Терра, 2004.
2. Кондаков Н.С. Образ Иисуса Христа в лирике А. Блока. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-iisusa-hrista-v-lirike-a-bloka> (дата обращения: 23.10.2017).
3. Блок А. Полное собрание стихотворений: в 3 т. М., 2009. Т. 1.
4. Лермонтов М.Ю. Стихотворения; Поэмы; Маскарад; Герой нашего времени. М.: Худож. лит., 1985.
5. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1987.
6. Дунаев М.М. Православие и русская литература: Учебное пособие для духовных семинарий / под общ. ред. В.Л. Шленова. Сергиев Посад: Москов. духовная академия, 2009.
7. Языкова И.К. Богословие иконы. М.: Изд-во Общедоступного Православного университета, 1995.
8. Ильинская Н.И. Концепт «Русский Христос» в стихотворении А. Блока «Вот Он – Христос – в цепях и розах...» // Литературный процесс: историческое и современное измерения. Магнитогорск, 2015.
9. Блок А. Собрание сочинений: в 6 т. / сост. и примеч. Вл. Орлова. Л.: Худож. лит., 1982. Т. 1.
10. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. URL: <http://bible.optina.ru> (дата обращения: 29.10.2017).
11. Блок А.А. Двенадцать. URL: <http://rustih.ru> (дата обращения: 20.06.2017).
12. Луначарский А.В. Собрание сочинений: в 8 т. Литературоведение. Критика. Эстетика. Т. 1. Русская литература, доклады, речи (1903–1933). URL: <http://ruslit.traumlibrary.net> (дата обращения: 22.08.2017).
13. Коган П.С. Александр Блок и революция. Памяти поэта. URL: <http://ruslit.traumlibrary.net> (дата обращения: 20.08.2017).
14. Блок А.А. Интеллигенция и революция. URL: <http://dugward.ru> (дата обращения: 05.06.2017).
15. Потье Э. (перевод – А.Я. Коц) «Интернационал» – международный пролетарский гимн; гимн коммунистических партий, социалистов и анархистов, официальный гимн РСФСР (1918–1944), СССР (1922–1944). URL: <http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=intern> (дата обращения: 23.05.2018).
16. Блок А.А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. Дневники. М.: Гослитиздат, 1962.

Поступила в редакцию 23.08.2018 г.

Отрецензирована 24.09.2018 г.

Принята в печать 24.10.2018 г.

Информация об авторе

Грудина Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, проректор по научной работе. Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской православной церкви, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: evgrudinina@mail.ru

Для цитирования

Грудинина Е.В. Трансформация образа Иисуса Христа в творчестве А. Блока: от ранней лирики к поэме «Двенадцать» // Неофилология. 2018. Т. 4, № 16. С. 54-64. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-16-54-64.

DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-54-64

**JESUS CHRIST'S IMAGE TRANSFORMATION IN THE WORKS BY A. BLOK:
FROM EARLY WORKS TO THE POEM "THE TWELVE"**

Elena Valeryevna GRUDININA

Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church
3 Maxim Gorky St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: evgrudinina@mail.ru

Abstract. We present the analysis the image of Jesus Christ in the early lyric poetry and the final chapters of the poem "The Twelve" by A. Blok from the point of view of Orthodox spiritual thought. The study allows us to conclude that the poet, despite the specific creative manner of symbolism, very accurately conveys in his early works not only the crisis perception of the world, typical of society at the turn of the 19th and 20th centuries, but also a deep personal insight into the essence of Orthodox faith. As a result of comparing the image of Christ in the analyzed lyric works with the final image in the poem "The Twelve", which received many different interpretations in critical literary practice, as well as the writings of philosophers and theologians, we conclude that Alexander Blok with his fine poetic ear and spiritual vision, astonishing accuracy portrayed the moral emptiness of people who had created an idol for themselves from a false idea. The element of destruction, the whirlwind of snow, which gave rise to the "tender" image of the false Christ, in fact poses a mortal danger to the human soul.

Keywords: Alexander Blok; early lyrics; the image of Christ; the poem "The Twelve"; artistic originality; the image-symbol; allegorical meaning; good and evil

References

1. Chukovskiy K.I. *Sobraniye sochineniy: v 15 t. T. 8. Literaturnaya kritika 1918–1921* [Collected Works: in 15 vols. Vol. 8. Critical Literary Practice 1918–1921]. Moscow, Terra Publ., 2004. (In Russian).
2. Kondakov N.S. *Obraz Iisusa Khrista v lirike A. Bloka* [The Image of Jesus Christ in A. Blok's Lyrics]. (In Russian). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-iisusa-hrista-v-lirike-a-bloka> (accessed 23.10.2017).
3. Blok A. *Polnoye sobraniye stikhotvoreniy: v 3 t.* [Complete Collection of Poems: in 3 vols]. Moscow, 2009, vol. 1. (In Russian).
4. Lermontov M.Y. *Stikhotvoreniya; Poemy; Maskarad; Geroy nashego vremeni* [Poems; Masquerade; Hero of Our Time]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, 1985. (In Russian).
5. Tyutchev F.I. *Polnoye sobraniye stikhotvoreniy* [Complete Collection of Poems]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1987. (In Russian).
6. Dunayev M.M. *Pravoslaviye i russkaya literatura* [Orthodoxy and Russian Literature]. Sergiyev Posad, Moscow Dukhovnaya akademiya Publ., 2009. (In Russian).
7. Yazykova I.K. *Bogosloviye ikony* [Theology Icons]. Moscow, Public Orthodox University Publ., 1995. (In Russian).
8. Ilinskaya N.I. Kontsept «Russkiy Khristos» v stikhotvoreniy A. Bloka «Vot On – Khristos – v tsepyakh i rozakh...» [The concept 'Russian Christ' in A. Blok's poem *Here is Christ in Chains and Roses...*]. *Literaturnyy protsess: istoricheskoye i sovremennoye izmereniya* [Literary process: historical and modern dimensions]. Magnitogorsk, 2015. (In Russian).
9. Blok A. *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* [Collected Works in 6 vols.]. Leningrad, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1982, vol. 1. (In Russian).
10. Ioann Zlatoust. *Besedy na Evangeliye ot Matfeya* [Conversations on the Gospel of Matthew]. (In Russian). Available at: <http://bible.optina.ru> (accessed 29.10.2017).
11. Blok A.A. *Dvenadsat'* [The Twelve]. (In Russian). Available at: <http://rustih.ru> (accessed 20.06.2017).

12. Lunacharskiy A.V. *Sobraniye sochineniy: v 8 t. Literaturovedeniye. Kritika. Estetika. T. 1. Russkaya literatura, doklady, rechi (1903–1933)* [Collected Works: in 8 vols. Literature Studies. Criticism. Aesthetics. Vol. 1. Russian Literature, Reports, Speeches (1903–1933)]. (In Russian). Available at: <http://ruslit.traumlibrary.net> (accessed 22.08.2017).
13. Kogan P.S. *Aleksandr Blok i revolyutsiya. Pamyati poeta* [Alexander Blok and the Revolution. To the Memory of the Poet]. (In Russian). Available at: <http://ruslit.traumlibrary.net> (accessed 20.08.2017).
14. Blok A.A. *Intelligentsiya i revolyutsiya* [Intellectuals and Revolution]. (In Russian). Available at: <https://dugward.ru> (accessed 05.06.2017).
15. Potye E. «Internatsional» – *mezhdunarodnyy proletarskiy gimn; gimn kommunisticheskikh partiy, sotsialistov i anarkhistov, ofitsial'nyy gimn RSFSR (1918–1944), SSSR (1922–1944)* [“The International” – international proletarian hymn; hymn of communist parties, socialists and anarchists, official hymn of the RSFSR (1918–1944), USSR (1922–1944)]. (In Russian). Available at: <http://www.sov-music.ru/text.php?fname=intern> (accessed 23.05.2018).
16. Blok A.A. *Sobraniye sochineniy: v 9 t. T. 7. Dnevnik* [Collected Works in 9 vols. Vol. 7. Diaries]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1962. (In Russian).

Received 23 August 2017

Reviewed 24 September 2018

Accepted for press 24 October 2018

Information about the author

Grudinina Elena Valeryevna, Candidate of Philology, Vice-Rector for Research. Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church, Tambov, Russian Federation. E-mail: evgrudinina@mail.ru

For citation

Grudinina E.V. Transformatsiya obraza Iisusa Khrista v tvorchestve A. Bloka: ot ranney liriki k poeme «Dvenadtsat'» [Jesus Christ's image transformation in the works by A. Blok: from early works to the poem “The Twelve”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 16, pp. 54–64. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-16-54-64. (In Russian, Abstr. in Engl.).